

Гость

Беседы с историком
Борисом Глебовичем Галениным

О РУСОФОБСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ОБРАЗОВАНИИ

Современная система образования рискует воспитать граждан, презирающих свою страну.

Наш собеседник — Борис Глебович Галенин родился в 1947 году в Москве. В 1970-м окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Много лет работал в системе Минморфлота СССР. Кандидат технических наук, специалист по защите морских портов от волнения, автор многих научных работ по данной проблематике. Военной историей занимается с 1972 года. Член Общества изучения истории отечественных спецслужб, автор книги «Пингвины — любимые животные казаков, или Апология отечественных спецслужб от Аскольда до Андропова» (2005). Борис Галенин — автор биографии генерала П.Н. Краснова, исследований о русско-японской и Первой мировой войнах. Событием в военно-исторической литературе стало появление двухтомного исследования Бориса Галенина

«Цусима — знамение конца русской истории». В нём рассмотрена история продвижения русского государства на Восток от времени похода Ермака до Порт-Артура; второй том посвящён собственно Цусимскому сражению. Загадками Цусимского сражения автор вплотную занимался более тридцати лет. Части этого исследования публиковались в сборнике «Кентавр» (№ 6 2010 года, «Китайская война», и № 1 2013 года, «Русская Корея»). Журнал Военно-морского флота России «Морской сборник» (2010, № 6) в рецензии на этот труд, озаглавленный «Цусима в зеркале российской геополитики», в частности отметил: «В работе восстановлено действительное развитие событий при Цусиме, в том числе графически воссоздана начальная фаза боя, что можно рассматривать как новое слово в историографии военно-морских сражений и серьёзное научное открытие». В июне текущего года вышла его

новая книга «ЦАРСКАЯ ШКОЛА» об образовании в Российской империи и не только о нём. Об этой книге мы написали чуть выше, под рубрикой «Школа». Приглашаем Бориса Глебовича к разговору!

— Борис Глебович, по окончании прошедшего учебного года в высоких сферах признали удручающий уровень успехов школьников по русскому языку. Что, по Вашему мнению, к этому привело?

— Мы получили не только результаты ЕГЭ. Перед нами, скорее, результаты многолетних, ещё со времён империи, системных сдвиганий в практике образования и в его идеологии. Стратегию начального образования народа невозможно оторвать от стратегии самосохранения этого народа как типа цивилизации и этнической общности. А степень выживаемости народа, на мой взгляд, — и отнюдь не только на мой — определяет религия народа, или, говоря шире — тип религиозности. Для протестантской цивилизации главный акцент народного, а с ним и начального образования делается на умении читать и воспринимать тексты, — чтобы каждый мог самостоятельно читать и толковать Святое Писание. Это автоматически подразумевает концентрацию усилий общества и государства на всеобщей грамотности всего наличного населения. Это мы и наблюдаем в натуре. Первой,

вне конкуренции по всеобщей грамотности, к концу XIX века оказалась северная протестантская Европа. Для цивилизаций, сохранивших в лице своих Церквей апостольскую преемственность, главным считается возможность сознательного участия каждого в литургической жизни Церкви, то есть понимание священного языка богослужения и восприятие смысла Священного Писания через проповедь. Но ещё более важным является прямое претворение услышанного и понятого в жизнь, повседневную жизнь человека, общины и страны. Всё это в первую очередь относится к русской православной цивилизации. Народное образование русского народа, как и других народов, было неразрывно связано с народной культурой. А культура русского народа, по крайней мере до первых десятилетий XX века, была основана на культуре Православия, воплощённой не только в богослужении, но и обыденной жизни. Годовой церковный круг освящал годовой круг земной жизни русских людей. Языком этой народной культуры был язык церковнославянский, язык Литургии, Церкви. Нам сейчас трудно поверить в то, что меньше века назад подавляющее большинство населения огромной страны, слабым подобием которой является нынешняя Российская Федерация, говорило, думало и читало именно на церковнославянском языке. Том

самом, который сегодня стал «трудным», «непонятным» для многих из потомков того населения, и которые считают себя просвещёнными и воцерковлёнными. Отсюда и дискуссии о переводе языка Церкви на язык улицы — ещё одна черта торжествующего смешительного упрощения. Впрочем, сегодняшняя образованщина не вчера родилась: дискуссии о «сложности и непонятности» церковнославянского языка тоже имеют более чем вековую давность.

— Но на Западе говорят: у вас, русских, не было регулярной школы, университетов, одна академия, да и та Киево-Могилянская, основанная европейски ориентированным епископом Петром Могилой, а потому вы должны перенять западную систему образования — наиболее эффективную, исповедующую всеобщее благо как философской категории. Нам есть что ответить?

— О степени образованности «не ориентированных европейски» русских людей свидетельствует знаменитый архидиакон Павел Алеппский, записавший свои впечатления от встречи в 1654 году с русской вселенной, «по которой путешественник должен ехать четыре года вдоль и поперёк». Он писал, что «москвиты известны своими знаниями, мудростью, пронизательностью, ловкостью, сметливостью и глубокомысленными вопросами, ко-

торые ставят в тупик учёных и заставляют их краснеть... Знай, что воеводы в этой стране люди учёные, законоведы, философы, логично рассуждающие, любят тонкие вопросы, глубокомысленные споры. Они приобретают знания от наставников, к ним приезжающих, от патриархов и архиереев, коих они обыкновенно расспрашивают, и когда те ответят на их вопросы, подчиняются; если кто из них воспрещает им что-либо, то воздерживаются от этого, не упорствуют, но стремятся увеличить свои знания, ибо мы видели у каждого из них тысячи больших книг, кои они охотно и много читают днём и ночью. Они не имеют пристрастия к вину и веселью. У воевод киевских мы видели целые воза книг, но что Киев в сравнении с Москвой? Всё это происходит от их любви к знанию; они знают по пядям даже нашу страну и её историю». Вот так. Видимо, школы, открытые на Руси ещё Владимиром Крестителем, и семь веков спустя неплохо выполняли свои функции. Образовательная система и содержание образования были едиными для всех русских людей, от царя до грамотного крестьянина, с X по XVII век, гарантированно обеспечивая единое мироощущение и мировосприятие. Это обеспечивало монолитное единство русского этноса в его общественно-государственном бытии, как Третьего Рима, что ска-

залось, например, в почти мгновенном по историческим меркам присоединении Сибири к телу Московского Царства. Подавляющее большинство не только крестьян, но и представителей высших классов говорили и писали на церковнославянском языке. Многие исследователи считают, что язык дониконовского богослужения был ещё и бытовым, практически не отличался в церкви и в доме. Никоновская справа — об этом говорили даже служащие синодальной типографии в конце XIX века — заключалась ещё и в грецизации грамматики церковно-славянского языка, которая стала отличаться от грамматики языка народа. Язык становился более трудным для изучения — объективно и по привычке, следовательно, менее распространённым вне Церкви. Язык Церкви был для русских людей XV и XVI веков настолько естественным, что вопросы правильного вероисповедания обсуждались на базарах. Церковные уложения были положены и в основу русского законодательства, подобно тому, как это было в Ромее-Византии.

Но обратной стороной этого слияния системы и сферы образования стало то, что недостаточное внимание уделялось третьему важному аспекту системы образования: подготовке специалистов в области естественных наук, техники и экономики. А именно в этом аспекте обра-

зовательный потенциал государства предшествует созданию его экономического и военного потенциала и является, по сути, основным фактором его развития. На создание этого потенциала в образовательной и промышленной сфере и были направлены усилия Императора Петра Великого, заодно восстановившего близкую к ромейско-византийской симфонию между Священством и Царством. До сих пор несправедливо оцениваемую. Но это предмет отдельного разговора. С начала XVIII века место традиционного образования в России по необходимости заняло классическое европейское образование. Противостоять натиску стремительно прогрессирующей Европы могла только страна, стоящая вровень с ней по научно-техническим достижениям, воплощённым, в том числе, и в продукцию оборонной промышленности, традиционно самую наукоёмкую. И плоды этого нового русского образования не замедлили сказаться. 27 июня 1709 года в шести верстах от города Полтавы лучшая в Европе шведская армия, созданная «львом Севера» Густавом II Адольфом и ведомая лучшим полководцем Европы Карлом XII, склонил знамёна «перед другой армией — юной армией Петра, одетой по-иноземному, но мыслящей по-русски и дравшейся по-русски». Представляет интерес, как полководцы обеих армий вдохновляли своих солдат перед битвой. Швед-

ский король чисто по-европейски пообещал своим бойцам хороший обед и богатую добычу в русском обозе. Русский царь призвал солдат драться: «За Россию и российское благочестие». За Отечество и веру Православную, сиречь.

Не считая неудачи Прутского похода 1711 года, русское оружие в течение полутора столетий не знало поражений. А поскольку Крымскую, равно как и Японскую войну нельзя считать военными поражениями, то можно сказать, что в Имперский период русское оружие было непобедимо. «Стоило только когда-либо какой-нибудь европейской армии претендовать на звание "первой в мире", как всякий раз на своём победном пути она встречала неунывающие русские полки — и становилась "второй в мире"». В спорах между государствами, как известно, нет до сих пор лучших аргументов, чем слова медных, бронзовых или стальных ораторов. Или, во всяком случае, возможность при необходимости немедленно сказать им своё вежливое слово. Будь это шуваловский единорог или тяжёлая баллистическая ракета «Воевода», получившая у наших заклятых друзей на Западе нежное прозвание «Сатана».

Известный и успешный современный русский профессор-филолог, преподававший в США, рассказывал, как отказался продолжить контракт с одним из американских университетов. Не то чтобы он был антиамер-

иканистом, наоборот, его лекции там были популярны, а просто ему предложили кафедру в московском вузе, и профессор согласился. Так американцы даже кланялись с ним перестали, и остаток учебного периода он провёл в изоляции от тамошних коллег.

— Почему, на ваш взгляд, в англосаксонских академических кругах сложилось такое отношение к русской научной элите?

— Для них это вполне естественно. Как это? Какой-то русский отказался продолжать приобщаться к системе преподавания в сияющем храме науки и социальной философии — американском университете!? Полагаю, тамошние профессора самым праведным образом были шокированы. Они-то искренне полагают, что их модель — свет, к которому должен тянуться весь обитаемый мир. Корни этого снова найдём в далёком прошлом. Западные владыки ненавидели «Второй Рим», а после победы над ним, после Флорентийской Унии и последующего вслед за ней падения Константинополя вдруг оказалось, что Вечный православный Рим победить нельзя. Какое-то затерянное в лесах Московское княжество объявило себя его преемником — Третьим Римом. И ненависть католического Запада обратилась уже на нас. Когда Василий Васильевич изгнал в 1441 году поставленного римским папой митрополи-

та Исидора, ненависть обратилась и на Русскую Православную Церковь, оставшуюся хранительницей вселенского Православия. Начиная с Лифляндской войны, через турецкие, кавказские и прочие войны, неизменно выигрываемые Московским Великим Княжеством, Московским Царством и Российской Империей, ненависть лишь обострялась. Россия же относилась ко всем открыто — из-за чего мы часто страдали. Если у католиков была ненависть к России как к царству, поднявшему знамя «восточной схизмы», то у протестантизма включается другой механизм.

Протестанты заимствовали из Ветхого Завета концепцию избранного народа, под которую лучше всего подошли англосаксы. Каждый из протестантов, например, англичан, может быть нам лучшим другом. Но когда их становится много, например, если иметь в виду межгосударственные отношения, они оказываются лютыми врагами России. Единственным из протестантских государств, с которым у нас были во многом единые геополитические ориентиры, была Германия. В частности, поэтому именно протестантское немецкое образование, — надо сказать, лучшее в Европе, — было взято за основу Александром I при создании им Министерства просвещения. Императору Николаю II практически удалось соединить в его реформах все достижения ев-

ропейского образования с русскими национальными православными традициями. Именно поэтому императорскую модель русского образования стало ломать ещё масонское «благоверное» Временное правительство, и добивало уже ленинско-троцкистско-большевистское. Только Сталин, ценой больших усилий, вернул хотя бы естественно-научное образование практически к императорскому уровню. Позже, с разрушением СССР, мы пошли по «болонскому пути», но болонская система и будет плодить болонок, вот только заботливых хозяев, готовых кормить, поить, холить и лелеять, на всех не хватит. Эта слепо копированная у нас система принесла плоды, о которых давно предупреждали добросовестные специалисты. Родители и сами школьники не останавливаются ни перед чем, чтобы расставить галочки в нужных квадратиках. А когда с привлечением территориальных управлений ФСБ их лишили большинства ухищрений, результат оказался таким, что впору переучивать.

— Ну, двоечников наплодили... В определённом смысле, неурожай случился. А в чём конкретная, быстро ощутимая опасность пренебрежения к языку, носителю основ культуры?

— Ситуация на Украине, по-вашему, достаточно конкретна и ощутима? Несчастные люди говорят там на суржике, от которо-

го лингвиста может обморок хватить. Как-то изъясняются, конечно, но становлению государственности это, как видим, не помогает. Насажение так называемого украинского языка западнодемократическими методами, установками залпового огня, приносит лишь обратные результаты. Но это опять-таки тема отдельного разговора...

— В вашей книге «Царская школа» содержится утверждение о том, что в советской истории «наиболее благоприятными для интеллектуального слоя были 1940-е — 1950-е годы». Да и выше Вы уже об этом упомянули. На фоне репрессий по отношению к интеллигенции это представляется невероятным.

— Репрессии по отношению к интеллектуальному слою русского народа, как и к народам Российской Империи в целом, пришлись в основном на «ленинский», а не сталинский период, вопреки либерастной лжи уцелевших потомков ленинской гвардии. А последние годы правления Сталина характеризовались тенденцией к возврату образовательных стандартов царской России. При Хрущёве, с его малограмотным подходом к науке и образованию, с нашим образованием вновь начались проблемы. Это, в свою очередь, произошло потому, что специалисты, получившие ещё дореволюционное образование, есте-

ственным образом выбыли из активной деятельности, а новые кадры в сравнении с ними здорово проигрывали. Но и позже академическая среда, в особенности учёные сферы научно-технических разработок, в те годы сохраняли высокий интеллектуальный уровень и потенциал самовоспроизводства. Чем мы до сих пор и пользуемся.

— Как в современных условиях, в которых, хотим мы этого или нет, влияние западной культуры запретить невозможно, не потерять собственную культуру, сосредоточить учащихся именно на ней?

— Вот только не надо запрещать никаких влияний. Беда в другом — в начале 1990-х мы одним махом, резко отринув все традиции русского имперского и советского образования. Перешли на совершенно чуждые нам концепции. Современное российское образование образует кого угодно, только не русского человека, который необходим современной России.

— Возможно, дело ещё и в недостаточном финансировании нашего образования?

— Смотрите: по оценке в целом добросовестного социолога Питирима Сорокина общие расходы государственных ведомств на образование в 1914 году составили почти 300 миллионов золотых рублей, а земств и городов — ещё 360 мил-

лионов. Исследователи предполагают, что один золотой рубль того времени по покупательной способности равен 1 000 рублей при уровне цен 2008 года; я считаю, впрочем, что эта оценка сильно занижена. Но даже при ней цифра получается впечатляющая. В самый тяжёлый год Первой мировой войны, 1915-й, Министерству народного просвещения было выделено 30 миллионов сверх ранее запрошенного бюджета — об этом в своих воспоминаниях пишет министр граф Игнатъев.

Д.Л. Сапрыкин в работе «Образовательный потенциал Российской империи» утверждает, что этот бюджет «по паритету цен» сопоставим с консолидированным бюджетом образования в годы президентства В.В. Путина. Может быть, только бюджет этот ещё в недавнем прошлом оседал в карманах распределителей, а на нужды образования шли копейки. При императоре Николае II дело обстояло иначе. В моей книге есть оценки и из противоположного лагеря, но столь же лестные для имперской русской системы образования. В 1995 году специалист Международной образовательной программы фонда Сороса В. Сойфер писал, что к 1914 году «в России сложилась первоклассная система гимназического и университетского образования. Россия выходила на передовые позиции в мире. Несомненно, что Кембриджский, Оксфордский, Гейдельбергский универ-

ситеты представляли собой учебные и научные институции самого высокого в мире уровня. Но они собирали сливки со всего мира и оставались редкими островками высочайшего знания. Подавляющее же большинство учебных заведений западных стран плавало в море посредственности. Классическое гимназическое образование в России выделяли уникальные особенности... Обучение всех гимназистов и в Москве, и в Тобольске, и в Одессе... на примерно одинаковом уровне открывало оканчивавшим гимназии дорогу в мир вообще и в мир науки и культуры в частности». Здесь важно отметить, что «соросовский» специалист признаёт уникальность — не копированность русской системы образования. Царская школа давала едва ли не лучшее в мире образование. Но и имперское образование вольно или невольно провоцировало отлучение православного человека от Православной Церкви. А последствия этого явления вышли далеко за рамки собственно образовательной системы.

— *Почему западным европейцам так комфортна русофобия, начавшаяся ещё с памфлетов и газет XVIII века? И что нам с ней делать?*

— Спасения от русофобии никакого нет. Разъяснять что-либо Европе, в которой развивается иррациональная русофобия, бесполезно.

Надо иметь как факт: все их улыбки и заверения не стоят ничего. Они, как гоголевская панночка, в любой момент обратятся в ужасную ведьму. Что так убедительно показано сейчас в Новороссии. Партнёрами они могут быть только в узко экономических вопросах. Философия постмодернизма с её относительностью всех ценностей успешно превращает весь постмодернистский мир в жуткое «голубо-розовое» болото, грозящее засосать последние остатки христианской цивилизации. Нам сейчас проще наладить «идеологические» отношения даже, например, с Израилем, потому что оба государства стоят на чётких идеологических позициях, отвергая их постмодернистское размытие; израильтяне боятся размытия иудаизма — тогда они уже не будут такими превосходными танкистами, лётчиками, спецназовцами, их бог больше не будет шествовать перед ними в огненном столпе, а Галанские высоты больше не будут той землей праведников, что устоит, когда прочие земли опустятся в геенну огненную. Что же до образования — надо как можно скорее возвращаться к прежней имперской системе, а прежде того — к её душе, Православию. Тогда выпускники русских школ, независимо от так называемой национальности, перестанут быть неосознанными руссофобами. Обретут прочную основу, как в бы-

лые времена, как, например, во время героической обороны Албазина на Амуре против десятикратно превосходящих маньчжуро-китайских войск воевода Афанасий Бейтон, немец по происхождению, сказал историческую фразу: «Мы, Русские, в плен сдаваться не привыкли!». Вспомним, что во время знаменитого совета Суворова в 1799 году в Альпах на вопрос: прорываться или сдаваться, все присутствующие генералы: немец Вилим Христофорович фон Дерфельден, грузин Пётр Багратион и серб Михаил Милорадович единодушно ответили: «Прорвёмся. Мы Русские, с нами Бог!»; из всех этих генералов русским в анкетном смысле был разве сам Суворов.

Если современные русские люди хоть в какой-то степени примут в себя дух ушедшей Великой России, то она сможет вернуться. Чего панически боятся до сих пор её «победители». Боятся возвращения Святой Руси и её победы.

Боятся не напрасно. Именно тогда и станет ясно, кто на самом деле выиграл Крымскую войну, победил при Цусиме и Моонзунде и во многих других войнах, боях и сражениях. И каким будет конец Русской истории, — покажет будущее. Наше. И наших исторических противоборцев.

Беседу вёл Сергей Шулаков